

В лучах заходящего солнца Цзян Ци и Лу Чжи, ступая по опавшим листьям, подошли к общежитию. Чтобы комендантша не заподозрила неладное, им пришлось разыграть неубедительную сцену с потерей ключей.

Женщина, казалось, вовсе не удивилась. Она лишь молча ввела их имена в компьютер и достала из ящика стола новый ключ. Он был серебристым, а на бирке значился номер комнаты — 404.

Одно только число 404 уже не предвещало ничего хорошего. К тому же, им выдали всего один комплект ключей, а значит, жить им предстояло в одной комнате.

Здание общежития давно обветшало: краска на стенах осыпалась, деревянная лестница жалобно скрипела под ногами, а в воздухе застоялся тяжелый, затхлый запах. Добравшись до 404-й, они одним движением вставили ключ, повернули замок и распахнули дверь.

Несмотря на то, что в школе училось множество студентов, комнату покрывал толстый слой пыли. Как только они закончили уборку, в дверях точно по расписанию появилась комендантша и выдала им два чистых одеяла.

— Слушайте внимательно: отбой в одиннадцать вечера. После этого времени из комнаты ни ногой. Если замечу кого-то в коридорах — запишу имена. Не вынуждайте меня ловить вас снова.

— Хорошо, спасибо за предупреждение, мы всё поняли.

Цзян Ци застелил кровати и похлопал по одной из них, приглашая Лу Чжи присесть.

— Почему ты так упорно ходишь за мной? Я что, похож на добряка? — Цзян Ци наконец задал вопрос, который давно его мучил.

— Брат, просто ты мне нравишься, ты такой красивый, вот я и хочу быть рядом. Я не буду тебе обузой.

Лу Чжи опустил голову и затеребил пальцами край одежды, выглядя так, словно смертельно боялся, что Цзян Ци его прогонит. Однако, пока Цзян Ци не видел, в глазах мальчика вспыхнул алый огонек. Лу Чжи был уверен: Цзян Ци не сможет отказать ему и уж точно не выставит за дверь.

Цзян Ци протянул руку с четко очерченными костяшками и погладил Лу Чжи по мягким волосам. На его губах промелькнула едва заметная улыбка. Затем он медленно провел пальцами по щекам мальчика, бережно обхватив его лицо и пристально глядя в глаза.

— Конечно, нет, глупыш.

Услышав это, Лу Чжи просиял. Он крепко ухватил Цзян Ци за запястья и, словно не веря своим ушам, переспросил:

— Правда, брат?

Цзян Ци кивнул, а затем услышал, как Лу Чжи тихо добавил:

— Брат, когда я стану сильнее, я тоже буду тебя защищать.

С этими словами он крепко обнял Цзян Ци. На его губах играла улыбка, но в глазах застыли собственничество и болезненная одержимость.

Цзян Ци выглянул в коридор и заметил, что остальные комнаты выглядят такими же заброшенными, будто в них никто не жил долгие годы. Глядя с четвертого этажа вниз, он увидел, как разрозненные группы студентов возвращаются в общежитие. Здание словно ожило, и прежнее ощущение запустения рассеялось.

Если бы они не находились внутри Подземелья, то, слушая смех и разговоры студентов, можно было бы подумать, что они в самой обычной школе — без опасностей и страха за свою жизнь.

Сгущались сумерки, краски неба блекли, и вечерняя заря постепенно растворялась в темноте. Студенты суетились: одни набирали горячую воду, другие умывались в общих уборных, кое-где доносилось бормотание тех, кто зубрил учебники. Хотя ночь еще только наступала, никто из учеников не хотел задерживаться снаружи. Вскоре в общежитии воцарилась тишина.

Цзян Ци, высокий и стройный, стоял в коридоре. На нем была простая сине-белая школьная форма, верхняя пуговица расстегнута, открывая полоску бледной кожи на шее. Его лицо оставалось спокойным и отстраненным. Окинув взглядом пустой коридор, он скрылся в тени.

Цзян Ци лежал на кровати, подложив руку под голову, но сон не шел. Рядом слышался шорох: Лу Чжи, обнимая подушку, сел на кровати. Его голос звучал хрипло:

— Брат, мне немного страшно. Можно мы поспим вместе?

Цзян Ци молча потянул его к себе и уложил с края. На узкой кровати они лежали вдвоем, но тесно не было. Оба молчали. Ночь становилась глубже, и вскоре рядом слышалось мерное дыхание. В конце концов, в этой темноте Цзян Ци тоже провалился в сон.

Как только Цзян Ци уснул, Лу Чжи открыл глаза. Он с жадностью обвел пальцами черты лица спящего, а затем, не в силах сдержаться, прижался к нему, глубоко вдыхая его запах.

В тишине ночи из-под кровати раздался ритмичный стук. Не дождавшись реакции, существо

под кроватью вытянуло шею, показалось наружу и раскрыло пасть, полную острых зубов. Но внезапно чья-то бледная, ледяная рука ухватила его за горло.

Существо замерло. Его глаза беспокойно вращались, пока не сфокусировались на мальчике. Тот смотрел на монстра в упор, и в его глазах плясали призрачные огни, от которых веяло таким ужасом, что даже привидение задрожало. Но как может настоящий призрак бояться ребенка?

Произошло невероятное: вокруг мальчика за клубился черный туман, поглощая призрака целиком. Из облака тьмы донесся лишь душераздирающий вопль.

— Ты потревожил наш сон, так что теперь я просто съем тебя.

Глаза Лу Чжи стали ярко-красными, выражение лица сделалось зловещим, а уголки губ приподнялись в хищной усмешке. Он лег обратно, закрыл глаза, крепко обнял Цзян Ци и прошептал:

— Спокойной ночи, брат.

Он не заметил, как пальцы Цзян Ци, лежавшие рядом, едва заметно дрогнули.

На рассвете Цзян Ци открыл глаза. Аккуратно высвободившись из объятий Лу Чжи, он отправился в уборную умываться. Привычка, выработанная в Игре, не позволяла ему крепко спать в столь опасном месте, да и течение времени здесь он научился чувствовать почти с пугающей точностью.

Цзян Ци плеснул в лицо холодной водой, чтобы окончательно проснуться, и посмотрел в зеркало: вид был изможденный, губы плотно сжаты, волосы растрепались.

Дверь уборной медленно отворилась. Лу Чжи, потирая глаза, зевнул:

— Доброе утро, брат.

Цзян Ци ответил с ленивой, едва уловимой усмешкой:

— Доброе утро. Иди умывайся.

Пока Цзян Ци, скучая, листал покрытые пылью книги в шкафу, снизу донесся пронзительный женский крик. Цзян Ци крикнул в сторону уборной:

— Я схожу проверю, что случилось. Жди меня здесь.

Он спустился на шум и остановился у двери 304-й комнаты. Дверь была приоткрыта, изнутри разило густым запахом крови. Когда он толкнул её, перед глазами предстало жуткое зрелище: пол был залит кровью, а на полу сидел человек, дрожащий всем телом и указывающий трясущимся пальцем на кровать.

На кровати лежало то, что когда-то было человеком — оно было растерзано неведомым существом до неузнаваемости, а под кроватью валялись внутренние органы. От этого зрелища к горлу подступала тошнота.

Человеком, сидевшим на полу, оказался Бай Сяюй. Его голос дрожал:

— Я просто... я просто встал в туалет, а он... он уже был таким.

<http://bllate.org/book/20715/2072069>